

Взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди и Льва Толстого на этнокультурные особенности народов

В. А. Поздеев

доктор филологических наук, профессор кафедры русской
и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: slavapozd@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди и Льва Николаевича Толстого на некоторые этнокультурные аспекты. Актуальность работы обусловлена тем, что на данный момент в существующих исследованиях не в полной мере раскрыты особенности репрезентации этих аспектов в произведениях Ганди и Толстого. Объектом исследования являются произведения Толстого и Ганди, в которых раскрыты этнокультурные особенности народов, а также их изменения и факторы, оказывающие влияние на них. Автором использованы следующие методы и подходы: биографический, предполагающий интерпретацию произведения как отражение биографических и личностных особенностей Ганди и Толстого; проблемно-тематический и сравнительно-сопоставительный. Ганди в своих статьях, в автобиографической книге «Моя жизнь», описывая этнокультурные и религиозные особенности, в своей биографии отражает специфику индийской национальной жизни (обряды, стереотипы в поведении, в еде, в одежде). Л. Н. Толстой в публицистике, дневниках, художественных произведениях так или иначе показывает элементы народной традиции в одежде, еде, психологии. Анализ произведений двух великих мыслителей Индии и России раскрывает мировоззренческие цели авторов, что позволяет выявить личностные и творческие элементы текстов. Показано, что Ганди уделяет большое внимание политическим аспектам, так как для него это было важно, а Л. Н. Толстой больше сосредоточен на этических проблемах народной жизни. В итоге можно сделать вывод, что элементы, отраженные писателями в произведениях разного жанра, имеют национальную специфику. Ганди и Толстой по-разному приходят к осмыслению и включению в свои произведения этнических, культурных и религиозных традиций.

Ключевые слова: Мохандас Карамчанд Ганди, Лев Толстой, этнокультурные особенности, этнические маркеры, народная традиция.

Этническая история России и Индии складывалась под воздействием различных социально-исторических и культурных факторов [2; 3]. В современной этнологии, фольклористике, этнолингвистике большое внимание уделяется взаимодействию этнических традиций, которые во многом определяют отношения в «сложных» регионах. Россия и Индия уникальны в географическом и этническом отношении. Они заселены с давних пор народами с разной материальной и духовной культурой. Это своеобразные «перекрестки» потоков переселенцев, взаимодействия этносов и религий. На протяжении совместного проживания этнических групп в Индии, как и в России, многое в материальной и духовной культуре сделалось «общим», однако этнические маркеры сохраняются и до сегодняшнего дня.

Проблема взаимосвязей Индии и России была актуальна в различные периоды истории этих стран. Факт огромного влияния литературного и философского наследия Льва Толстого и Мохандаса Ганди на мировую культуру совершенно бесспорен. Исследователи философии и художественного творчества этих деятелей отмечали сильные и слабые стороны, развитие и пересечение их взглядов [9; 10; 11]. Философско-религиозные взгляды Л. Н. Толстого и Мохандаса Карамчанда Ганди наложили отпечаток на их восприятие этнокультурных особенностей народов. Как писал С. Серебряный, «индийская реальность слишком сильно отличается от привычной нам европейской и нашей собственной, российской; описание индийской реальности (в частности, истории) словами европейских языков требует бесконечных уточнений, оговорок и переопределения терминов» [13, с. 337]. В книге Т. Н. Загородниковой «Индия

и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских взаимоотношений» рассказы-вается о письмах от индийцев, приславших письма в Ясную Поляну Л. Н. Толстому, о переводах и театральных постановках, на основе этих материалов исследователь показывает, какой образ русского писателя сложился в Индии [8].

В своих работах Л. Н. Толстой и Ганди последовательно придерживались принципа единства человеческого рода, хотя каждый народ имел свои этнокультурные особенности. Они понимали, что особенности разных этносов отражали как общее, типологическое, так и оригинальное в быту, нравах, обрядах.

Этнокультурные маркеры, которые репрезентируют принадлежность к тому или иному этносу, представляют собой языковые и диалектные, этнографические и фольклорные компоненты традиции, складывавшиеся на протяжении многих веков. К этнокультурным маркерам, помимо языка, можно отнести одежду, пищу, постройки, средства передвижения, ремесла и многое другое. Этнокультурные маркеры меняются в процессе взаимодействия с различными этносами, изменениями в культурной жизни, с развитием технического прогресса.

Однако Ганди и Л. Толстой не проявляли пристального, можно сказать, «научного» интереса к этнографическим реалиям, хотя были хорошо знакомы с особенностями быта и обычаев своих народов. При этом можно с уверенностью говорить, что элементы этнокультурных маркеров присутствуют в различных произведениях Л. Толстого и Ганди. Как отмечал современный литературовед А. Л. Фокеев, «культурный процесс литературно-общественной мысли эпохи не мог не повлиять на раннюю литературную деятельность Толстого. Культурно-исторические факторы общественно-литературного процесса времени побуждали писателя к изучению устного народного творчества и разработке темы народа. Литература соприкасалась с этнографией, но выходила за ее пределы. Этнография выступала элементом народного быта, фиксируя реалистическую манеру изображения. Толстой в своих ранних произведениях включился в процесс изучения и воспроизведения народной жизни, поиски русского национального типа, в том числе и в фольклорно-этнографическом их проявлении» [19, с. 36–37].

Ганди в книге «Моя жизнь» описал свои воспоминания, наблюдения об этнокультурных особенностях индийцев. Индия – многонациональная страна, крупнейшие народы: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, джат, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы – имеют не только свой язык, но и сложившиеся этнокультурные особенности. Очень важно подчеркнуть, что чаще всего этнокультурные аспекты проявляются в контексте произведений. На настоятельную необходимость исследования контекста указывал еще известный русский ученый Михаил Бахтин: «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл (образа, символа)? Только при помощи другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно. Возможна либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его при помощи других смыслов (философско-художественная интерпретация) – углубление путем расширения далекого контекста» [1, с. 207].

Ганди в своих воспоминаниях в основном размышляет о своей жизни, но в контексте приводит очень много интересных этнографических фактов. Например, Ганди вспоминает о своем браке – это один из наиболее ярких эпизодов в его жизни, но с другой стороны – это и фиксация этнокультурных особенностей народа. «В Катхиаваре существует два различных обряда – обручение и заключение брака. Обручение – это предварительное обещание родителей мальчика и девочки соединить их браком. Обещание это может быть нарушено. Смерть мальчика не влечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение между родителями, и детей оно совершенно не касается. Часто они даже не знают о нем». В книге указано, что в семилетнем возрасте писатель был обручен трижды, но две девочки, «которых [для него] выбрали, умерли одна за другой» [6, с. 47]. Как отмечает Ганди, что брак для индусов является обрядом очень важным и в то же время затратным. Часто затраты на брачные обряды даже разоряли родителей жениха и невесты. Ганди говорил о длительности подготовки к свадьбе, это время уходит на изготовление одежды и украшений, на добывание денег для обедов. «Каждый старается перещеголять другого числом и разнообразием предлагаемых блюд. Женщины, обладающие красивыми голосами и совсем безголосые, поют, не давая покоя соседям, до хрипоты, а иногда даже заболевают от этого. Соседи относятся ко всему этому шуму и гаму, ко всей грязи, остающейся после пиршества, совершенно спокойно, потому что знают: придет время и они будут вести себя точно так же» [6, с. 47].

В этом воспоминании Ганди опирается на знание не только обрядов, но и на этнопсихологические особенности народа, то есть на национальный характер. «Национальный характер

народа, мысли, литературы – писал Георгий Гачев, – очень «хитрая» и трудно уловимая «материя». Ощущаешь, что он есть, но как только пытаешься его определить в слова, он часто улетаывается, и ловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или усматриваешь в нем то, что присуще не только ему, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно лишь постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться – но не победить» [7, с. 55]. Ганди в книгах «Хинд Саварадж», «Сатьяграха в Южной Африке», «Мой Толстой», «Статьи и речи» писал, что «Индию обвиняют в том, что ее народ настолько нецивилизован, невежествен и флегматичен, что невозможно побудить его к каким-либо переменам. В действительности это обвинение направлено против наших достоинств. Мы не осмеливаемся менять то, что мы испытали практикой и нашли истинным. Многие навязывали Индии свои советы, но она остается непоколебимой. В этом ее красота, это ее якорь спасения» [4].

Ганди размышляет о своей женатой жизни, в которой он видел проявление некоторых этнических стереотипов и правил. Жена Ганди Кастурбай была неграмотна. Он пытался обучить ее грамоте. Юношеская страстная любовь, как он писал, «не оставляла времени для этого». Отмечал этнокультурную черту, характерную для индусов, что «в присутствии старших [он] не осмеливался не только разговаривать, но даже встречаться с ней» [6, с. 50]. Ганди с некоторой отрицательной коннотацией отмечал, что в Катхиаваре существовал и до известной степени существует и теперь бессмысленный и варварский обычай укрываться пардой.¹ В оценке Ганди этого обычая звучит осуждение: «бессмысленный и варварский обычай». Из таких небольших информаций об этнокультурных особенностях складываются у Ганди взгляды на свой этнос.

В этих взглядах большое место занимает осмысление религиозных аспектов этнокультурных особенностей. В книге «Моя жизнь» Ганди рассказывает о своих обетах, например, об обете не есть мясо, не пить молоко. Например, «в Гуджарате, – писал Ганди, – был силен джайнизм. Его влияние чувствовалось повсюду и при всяких обстоятельствах. Нигде в Индии и даже за ее пределами не наблюдается такого отвращения к мясной пище, как среди джайнов и вишнуитов Гуджарата. Я вырос и воспитывался в этих традициях. Кроме того, я был очень предан родителям, и я понимал, что они будут глубоко потрясены, если узнают, что я ел мясо». Кастурбай приготовила «сладкую пшеничную кашу не на гхи, а на растительном масле, а также приберегла для меня полную чашу мунга» [6, с. 56].

Важным элементом в этнокультурных аспектах являлось обычное право. Так, Ганди отмечал, что «жена индуса не может требовать развода в судебном порядке. Закон ей не поможет. И потому я не могу забыть и простить себе, что доводил жену до отчаяния» [6, с. 59]. Важно подчеркнуть, что Ганди не случайно обращается к теме брака и положению девушки и женщины в Индии: «ведь страна, где существуют сотни девочек-вдов, где женят двухлетних детей, где двенадцатилетние девочки становятся матерями и хозяйками, где практикуется многожудие, где в обычае практика нийоги, где во имя религии девушки посвящают себя проституции, где во имя религии режут баранов и коз, – это тоже Индия. Считаете ли вы и это символами той цивилизации, которую вы описали?» [4].

В теории и практике сатьяграхи Ганди отводил особое место свадеши. В этом тоже проявляется этнокультурный аспект деятельности Ганди: прежде всего, возрождение ремесел, в частности, ткачества.

Ганди своей деятельностью хотел сделать индийских женщин нужными для страны, а для этого возродить ручное прядение, ткачество – это можно воспринимать как возрождение этнокультурных традиций. «Моя работа должна заключаться и заключается лишь в организации производства домотканой материи и в нахождении средств для сбыта кхади. Поэтому все мое внимание сосредоточено на производстве кхади. Я стою за эту форму свадеши, потому что только таким способом смогу обеспечить работой полуголодных, безработных индийских женщин. Думаю предоставить этим женщинам возможность производить пряжу и одевать население Индии в кхади, выработанную из этой пряжи» [4].

Одним из явных этнокультурных пережитков являлось кастовое устройство индийского общества, оно также нашло отражение в воспоминаниях Ганди: «Ни один мод-бания не бывал в Англии, а если я осмелился на это, меня следовало призвать к ответу. Созвали общее собрание касты и вызвали меня» [6, с. 70].

¹ «Парда» – это значит «занавеска». Обычай «парны» соблюдается в основном мусульманками, согласно канонам ислама. В Хайдарабаде, мусульманском центре, этот обычай очень распространен. Занавеска отделила добрую половину человеческого рода от настоящей жизни, от общественных интересов.

В этнополитическом аспекте Ганди считал необходимым решать индусско-мусульманский вопрос не только в плоскости религиозной, но и в области повседневной жизни. Он призывал преодолеть религиозные и этнокультурные различия: принимать друг от друга воду, садиться за один стол для приема пищи, вступать между собой в браки.

В национальном сознании взаимосвязь человека и культуры как в архаической, так и в христианской, буддийской этике мыслилась не только абстрактно, но на уровне вещного, бытового мира.

Надо отметить, что Лев Толстой также был вовлечен в непосредственное наблюдение за народными обычаями, культурными особенностями разных слоев России. Эти наблюдения нашли отражение в различных художественных и публицистических произведениях. Лев Толстой почти в каждом произведении так или иначе раскрывал этнокультурные особенности русского народа. Можно взять его большие романы, повести, рассказы, публицистические произведения или дневники – в каждом из них есть описания или упоминания элементов народной культуры.

В 1847 г. в дневнике писатель разбирает «Наказ» Екатерины Великой. Толстой соглашался с Екатериной: «Потом она говорит, что в многонаселенных странах машины, заменяющие руки работников, часто не нужны и пагубны, а что для ввозимых рукоделий чрезвычайно нужно употреблять машины, ибо те народы, которым мы продаем их, могут купить такие же товары у соседственных народов. Я думаю совершенно напротив, машины для рукоделий, внутри государства общающихся полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров» [17, с. 10]. Ганди же, напротив, писал: «У нас такие же хижинки, какие были в прежние времена, и наше национальное воспитание остается таким же, как и прежде. В нашем жизненном укладе не было соперничества, которое отравляет существование. Каждый занимался своим делом или ремеслом и получал положенную плату. Дело не в том, что мы не знали, как изобрести машины, но наши предки знали, что, если мы будем к этому стремиться, мы станем рабами и утратим наш моральный облик. Поэтому после долгого размышления они решили, что мы должны делать только то, что мы можем сделать нашими руками и ногами» [4].

В «Исповеди» Л. Толстой размышляет о своей жизни, о тех переломных моментах, которые были у него. Так, после того как писатель приехал из-за границы и начал осмысливать свою деятельность, деятельность своего круга, он увидел несправедливость, суету, отсутствие смысла жизни. Толстой задумывался и об истинной вере. Поэтому он писал: «И я стал сближаться с верующими из бедных, простых, неученых людей, с странниками, монахами, раскольниками, мужиками <...>, я видел, что вся жизнь этих людей проходила в тяжелом труде» [18, с. 145]. Ганди в статье «Мой Толстой» писал: «Еще одна великая идея Толстого – “труд ради хлеба насущного”. Каждый должен в поте лица зарабатывать свой хлеб; жестокая нищета в мире объясняется тем, что люди уклоняются от этой своей обязанности. <...> Верить для Толстого означало трудиться. И на склоне лет этот человек, проживший жизнь в холе и неге, занялся тяжелым физическим трудом. Он стал сапожником и крестьянином, работал, не разгибаясь по восемь часов в день. Но физический труд не притупил его могучего интеллекта – напротив, он лишь придал ему остроту и блеск...» [4].

Как отмечал современный исследователь жизни и творчества Л. Н. Толстого, «столкновение с жизнью разрушило те, в значительной мере идиллические, представления о взаимоотношениях помещика и крестьянина, которые сложились у Толстого с ранних лет и нашли воплощение в повести «Детство» (1851–1852) в образе покорной и преданной господам Натальи Савишны. Потерпев неудачу в осуществлении своих филантропических планов, Толстой, однако, приобрел другое: подлинное знание русской деревни. Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы» [11].

В Записных книжках за 1879 год Толстой помещает записи народных слов и выражений. Н. И. Страхов вспоминал, что Толстой «стал удивительно чувствовать красоту народного языка и каждый день делает открытия новых слов и оборотов» [14, с. 548]. А в записях 1881 года представлены характеристики народных типов, с которыми Толстой встречался: вдовы и вдовцы, солдаты и солдатки, монахи-шатуны и погорельцы, мужики старые и молодые, дети-сироты. Л. Н. Толстой в своих произведениях не только обращал внимание на русский этнос, но и вывел целый ряд образов представителей других народов России. Такие типы представлены уже в неоконченной повести «Тихон и Маланья» (вариант «Идиллии»), над которой

писатель работал в 1861–1862 гг. Это произведение он обозначил как повесть из крестьянской жизни. В отрывке «Идиллии» есть воспоминания о том, как Маланью выдали замуж: «По старинному порядку, выдали ее замуж в 15 лет. Она была девочка. В первое время, когда она, бывало, несет с солдаткой ушат воды, то, как лозинка, качается. И мужа своего совсем не любила, только боялась. Когда он подходил к ней, она начинала плакать, щипать и даже кусать его. Так что первое время все плечи, все руки у него в синяках были. Так она не любила его два года. Но так как баба она была красивая и смиренная и из дому хорошего, то ее не принуждали к тяжелой работе, и она понемножку, года через три или четыре, стала выравниваться, повзросла, раздобрела, раздумянилась, перестала бояться – стала привыкать, привыкать и так наконец привыкла к мужу, что плакала, когда отец его в город усылал» [15, с. 406].

Наиболее ярко в этой повести раскрывается знание писателя крестьянского быта, деревенских реалий. Важным элементом народной жизни была одежда, поэтому Толстой уделял большое внимание тому, как были одеты крестьяне. Одежда была для писателя своеобразным маркером достатка крестьян: «Шли старики большими, широкими шагами (шагами рабочего человека), в белых, заново вымытых онучах и новых лаптях, которые с палочками, которые так, по одному и попарно; шли мужики молодые, в сапогах; староста Михеич шел в черном, из фабричного сукна кафтане; шел длинный, худой и слабый, как плетень, Ризун, Фоканыч хромой, Осип Наумыч бородастый. Шли дворовые, мастеровые в свитках, лакеи в немецких платьях, дворовские бабы и девки в платьях с подзонтиками, как говорили мужики» [16, с. 396]. «Вон идет худая разряженная баба, убрана, как богачка, а Тихон знает, что это самая последняя, заваливающая баба, которую муж уж давно бить перестал. Идет приказчица с зонтиком, расфрантилась, и работница их, Василиса, в красной занавеске. А вот Матрешкин, дворовый, красную кумачовую рубаху вчера купил в городе, надел, да и сам не рад, как народ на него дивится» [16, с. 396–397].

Не только социальное положение отражали элементы одежды, но гендерное: «Шли девочки табунками, в желтых и красных сарафанах, ребята в подпоясанных армячках, согнутые старушки в белых чистых платках, с палочками и без палочек» [16, с. 396]. Особое внимание Толстой обращает не только на одежду, но как ведут те или иные персонажи: «А Маланька шла точно так же, как и другие бабы, ни наряднее, ни чуднее, ни веселее других. На ней была понева клетчатая, обшитая золотым галуном, белая, шитая красным рубаха, гарусная занавеска, красный платок шелковый на голове и новые коты на шерстяных чулках. Другие были в сарафанах, и в поддевах, и в цветных рубахах, и в вышивных котках. Так же, как и другие, она шла, плавно и крепко ступая с ноги на ногу, помахивая руками, подрагивая грудью и поглядывая по сторонам своими бойкими глазами» [16, с. 397].

Жизнь русского крестьянина была невыносима без лошади и коровы, без хорошего хозяйства. Однако крестьяне вынуждены были платить оброк и поэтому уходили на заработки, в частности нанимались ямщиками. Так, Л. Толстой описывает, как выглядели почтовые лошади: «У пристяжных были гривы заплетены с оборочками, корневая, знакомая ему чала, была высоко подтянута головой под дугу... Лошади были гладки и не потны. Ямщик был курчавый, в новом кафтане и шляпе» [16, с. 391].

Элементы быта простого народа писатель противопоставлял благам цивилизации. Как отмечал И. В. Польский, Лев Николаевич, сделав физический труд «привычным условием своей жизни», перешел на такие условия, которые не стесняли при физическом труде [8]. Л. Толстой даже в отвлеченных размышлениях о бедности и богатстве приводит некоторые бытовые детали: «Вместо сладкого, жирного, утонченного, сложного, пряного, на что тянуло прежде, стала нужна и более всего приятна самая простая пища: щи, каша, черный хлеб, чай вприкуску»² [18, с. 377]. Крестьянская еда являлась отражением не только русской народной кухни, но также была свидетельством особенностей национальной традиции: социальной, религиозной, сезонной (календарной). Так, в повести упоминаются пироги, щи – традиционная еда русских. Например, «жили же исправно и мясо ели», тем самым Толстой подчеркивает, что это зажиточная семья. Или летом, когда для крестьянина самая напряженная страда, собираясь на покос, «забрали хлеба, квасу, огурцов, котелочки, круп и поехали на неделю» [15, с. 415].

Л. Толстой всегда восхищался народным творчеством, духовным богатством народа, поэтому в его произведениях крестьянские персонажи выражали свои думы, мысли, надежды в песнях. Толстой изображает, как во время сенокоса «разрядились бабы, с песнями на работу, с песнями домой» [15, с. 408].

² Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 377.

В художественных и публицистических произведениях Толстого и Ганди можно видеть их богатое представление об этнокультурном контексте, о народном характере, народных стереотипах. Историко-этнографический контекст образуется посредством включения в художественную ткань повествования не только различных сюжетных, образных, стилистических, языковых приемов, но также важных этнографических реалий. Можно говорить о том, что в сложной повествовательной системе Ганди и Толстого эти элементы могут рассматриваться как своеобразные этноэстетические микроединицы, в которых представлены поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М. : Худ. литература, 1986. 543 с.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация: История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М. : Восточная литература, 2007. 494 с.
3. Владимирский А. В. Великий Ганди. Праведник власти. М. : Яуза : ЭКСМО, 2013. 352 с.
4. Ганди М. Мой Толстой // Ганди М. Революция без насилия. URL: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revoluciya-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (дата обращения: 16.02.2020).
5. Ганди М. Революция без насилия. URL: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revoluciya-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Ганди М. К. Моя жизнь. М. : Наука, 1959. 443 с.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. 233 с.
8. Загородникова Т. Н. Индия и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских взаимоотношений. М. : Изд-во Института востоковедения РАН, 2018. 236 с.
9. Полонская Л. Р. Махатма Ганди: смысл жизни // Новая и новейшая история : журнал. 1991. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/ессе/gandhi.htm> (дата обращения: 16.02.2020).
10. Польский И. В. Идеи Льва Толстого в контексте радикальной критики цивилизации // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 159–172.
11. Сайфуллаева М. И. Лев Толстой всегда современен // Гений русской литературы – Л. Н. Толстой. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=236 (дата обращения: 16.02.2020).
12. Сарбаш Л. Н. Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 204–211.
13. Серебряный С. Лев Толстой в восприятии М. К. Ганди // Вопросы литературы. 2009. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 333–362.
14. Страхов из письма Н. Я. Данилевскому от 23 сентября 1879 г. // Русский вестник, 1901. № 1. С. 138. Цит. по: Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 21. С. 548.
15. Толстой Л. Н. Идиллия // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 3. С. 405–429.
16. Толстой Л. Н. Тихон и Маланья // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 3. С. 391–404.
17. Толстой Л. Н. Дневники. 1847 // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 21. С. 7–21.
18. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 16. С. 106–165.
19. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 46 с.

The views of Mohandas Karamchand Gandhi and Lev Tolstoy on the ethno-cultural peculiarities of the peoples

V. A. Pozdeyev

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: slavapozd@yandex.ru

Abstract. The article examines the views of Mohandas Karamchand Gandhi and Lev Tolstoy on some ethnocultural aspects. The relevance of the work is due to the fact that currently existing studies do not fully disclose the features of the representation of these aspects in the works of Gandhi and Tolstoy. The object of the research is the works of Tolstoy and Gandhi, which reveal the ethnocultural characteristics of peoples, as well as their changes and factors that influence them. The author uses the following methods and approaches: biographical, which implies the interpretation of the work as a reflection of the biographical and personal characteristics of Gandhi and Tolstoy; problem-thematic and comparative. Gandhi in his articles, in his autobiographical book "My life", describing ethno-cultural and religious features, in his biography reflects the specifics of Indian national life (rituals, stereotypes in behavior, in food, in clothing). L. N. Tolstoy in journalism, diaries, and works of art somehow shows elements of folk tradition in clothing, food, and psychology. The analysis of the

works of two great thinkers of India and Russia reveals the authors' worldview goals, which allows us to identify personal and creative elements of the texts. It is shown that Gandhi pays great attention to political aspects, since it was important for him, and L. N. Tolstoy is more focused on the ethical problems of people's life. As a result, we can conclude that the elements reflected by writers in works of different genres have national specifics. Gandhi and Tolstoy have different approaches to understanding and including ethnic, cultural and religious traditions in their works.

Keywords: Mohandas Karamchand Gandhi, Lev Tolstoy, ethnocultural features, ethnic markers, folk tradition.

References

1. Bahtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. M. : Hud. literature. 1986. 543 p.
2. Bongard-Levin G. M. *Drevneindijskaya civilizaciya: Istorija, religija, filozofija, epos, literatura, nauka, vstrecha kul'tur* [Ancient Indian civilization: History, religion, philosophy, epos, literature, science, meeting of cultures]. M. Eastern literature, 2007. 494 p.
3. Vladimirskij A. V. *Velikij Gandi. Pravednik vlasti* [The Great Gandhi. The righteous man of power]. M. Yauza : EKSMO. 2013. 352 p.
4. *Gandi M. Moj Tolstoy* [My Tolstoy] // *Gandi M. Revolyuciya bez nasiliya* [Revolution without violence]. Available at: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revolyuciya-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (date accessed: 16.02.2020).
5. *Gandi M. Revolyuciya bez nasiliya* [Revolution without violence]. Available at: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revolyuciya-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (date accessed: 16.02.2020).
6. *Gandi M. K. Moya zhizn'* [My life]. M. Nauka. 1959. 443 p.
7. Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. M. Soviet writer. 1988. 233 p.
8. Zagorodnikovoj T. N. *Indiya i Serebryanyj vek russkoj kul'tury. Oчерki rusko-indijskih vzaimootnoshenij* [India and the Silver age of Russian culture. Essays on Russian-Indian relations]. M. Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. 236 p.
9. Polonskaya L. R. *Mahatma Gandi: smysl zhizni* [Mahatma Gandhi: the meaning of life] // *Novaya i novejšhaya istoriya : zhurnal – New and modern history : magazine*. 1991. No. 4. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/ecce/gandhi.htm> (date accessed: 16.02.2020).
10. Pol'skij I. V. *Idei L'va Tolstogo v kontekste radikal'noj kritiki civilizacii* [Ideas of Lev Tolstoy in the context of radical criticism of civilization] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and modernity. 2014. No. 3. Pp. 159–172.
11. Sajfullaeva M. I. *Lev Tolstoy vsegda sovremen* [Lev Tolstoy is always modern] // *Genij russkoj literatury – L. N. Tolstoy – Genius of Russian literature – L. N. Tolstoy*. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=236 (date accessed: 16.02.2020).
12. Sarbash L. N. *Inonacional'noe v tvorchestve L. N. Tolstogo: nekotorye aspekty tvorcheskoj recepcii Povolzh'ya* [Foreign language in the work of L. N. Tolstoy: some aspects of the creative reception of the Volga region] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Herald of the Chuvash University*. 2013. No. 1. Pp. 204–211.
13. Serebryanyj S. *Lev Tolstoy v vospriyatii M. K. Gandi* [Lev Tolstoy in the perception of M. K. Gandhi] // *Voprosy literatury – Questions of literature*. 2009. No. 5. September-October. Pp. 333–362.
14. *Strahov iz pis'ma N. Ya. Danilevskomu ot 23 sentyabrya 1879 g.* – Strahov from a letter to N. Y. Danilevsky dated September 23, 1879 // *Russkij vestnik – Russian Herald*, 1901. No. 1. P. 138. Cit. by: Tolstoy L. N. Coll. works : in 22 vols. M. Hudozh. lit. 1985. Vol. 21. P. 548.
15. *Tolstoy L. N. Idilliya* [Idyll] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1979. Vol. 3. Pp. 405–429.
16. *Tolstoy L. N. Tihon i Malan'ya* [Tikhon and Malanya] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1979. Vol. 3. Pp. 391–404.
17. *Tolstoy L. N. Dnevnik. 1847* [Diaries. 1847] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1985. Vol. 21. Pp. 7–21.
18. *Tolstoy L. N. Ispoved'* [Confessions] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1983. Vol. 16. Pp. 106–165.
19. Fokeev A. L. *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom processe XIX veka: istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Ethnographic direction in the Russian literary process of the XIX century: origins, type of creativity, history of development : abstract of dis. ... Dr. of Philol. Sciences]. M. 2004. 46 p.